

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	5
ЧАСТЬ I	7
Глава 1. Первый русский лауреат	7
Глава 2. Проницательный доктор Боткин.....	13
Глава 3. Новатор по жизни.....	18
Глава 4. Бог психиатрии.....	24
Глава 5. Эксперименты по оживлению организма	29
Глава 6. «Отец» виагры	34
Глава 7. Трупное переливание крови.....	39
Глава 8. «Филатовский стебель».....	45
Глава 9. От суицида до Нобелевки.....	49
Глава 10. Святой доктор.....	55
Глава 11. Опыты врачей на себе	60
Глава 12. Теория невыключенного утюга.....	63
Глава 13. Врач с диагнозом «шизофрения»	68
Глава 14. Две любви Зинаиды Ермольевой.....	72
Глава 15. Операция вслепую	78
Глава 16. Микеланджело ортопедии.....	81
Глава 17. Второй после Пирогова.....	87
Глава 18. Операции по пересадке головы.....	91
Глава 19. Тоны Короткова	95
Глава 20. Рефлексы головного мозга	100

ЧАСТЬ II	105
Глава 1. Чудо-лучи.....	105
Глава 2. Рецепт морковного супа.....	109
Глава 3. Выставка недоношенных младенцев.....	111
Глава 4. Мать всех детей.....	114
Глава 5. Взрывное дело.....	117
Глава 6. Старейший доктор.....	121
Глава 7. Действенный метод.....	124
Глава 8. Заклятый друг.....	128
Глава 9. Сердечных дел мастер.....	132
Глава 10. Доктор ПАП.....	135
ЧАСТЬ III	139
Глава 1. Виновник СПИДа.....	139
Глава 2. Оживленная Анна.....	142
Глава 3. Трагедия мальчика в пузыре.....	145
Глава 4. Дети Фредерика Рюйша.....	149
Глава 5. Человек без памяти.....	152
Глава 6. Масло Лоренцо.....	156
Глава 7. Первая из пробирки.....	161
Глава 8. Одаренная бессмертием.....	164
Глава 9. Изобретение без изобретателя.....	168
Глава 10. Призрачные девушки.....	171
Библиография.....	174

*С благодарностью моим наставникам и друзьям,
преподавателям кафедры акушерства и гинекологии
им. А.Я. Крассовского Военно-медицинской академии
Тимофеевой Наталье Борисовне,
Гайворонских Дмитрию Ивановичу*

ВСТУПЛЕНИЕ

История медицины — это, по сути, история всего человечества. Взлеты и падения, невероятные идеи и дерзкие стремления, подвиг и тщеславие, гуманность и эгоцентризм — все это откроется вам, если вы попытаетесь выяснить, откуда берет начало современная медицина. Историю развития медицины можно назвать квинтэссенцией развития культуры.

Во врачебной профессии, как ни в одной другой, особую роль играет человеческий фактор.

Современный мир медицины отрицает авторитеты. Я же предлагаю вам обратить на них свой взгляд и найти ответ на извечный вопрос: в чем кроется секрет их гениальности.

Я собрала истории отчаянных первопроходцев, отважных профессионалов и настоящих мастеров своего дела. Конечно, я понимаю, что не смогу рассказать о жизни абсолютно всех выдающихся людей, чья работа стала прорывом для научного мира и изменила взгляды современников на подход к лечению и диагностике тех или иных заболеваний. Но искренне полагаю, что моя книга станет для вас проводником в анналы истории медицины, кратким экскурсом в мир гениальных открытий, удивительных операций и роковых ошибок.

Ледяные распилы Пирогова, «шагающий стебель» Филатова, целительный аппарат Илизарова, двухголовые собаки Демихова — такие истории достойны того, чтобы их рассказали. Широко известные исследования и неизвестные факты о жизни ученых, на мой взгляд, помогут поближе познаком-

миться с пионерами медицинской науки. Кому-то не досталось заслуженной славы при жизни, а кто-то был чересчур прогрессивен и опередил свое время, а потому не был принят современниками.

Помимо этого, один раздел рассказывает о пациентах с редко встречающимися нозологиями. Казуистические случаи, обернувшиеся трагической судьбой, оказали огромное влияние на медицинское сознание эпохи.

Книга появилась благодаря моему блогу: @doc_ob_istorii. Наблюдая неподдельный интерес аудитории, я решила, что будет хорошей затеей объединить все рассказы в книгу. Надеюсь, чтение доставит вам удовольствие и каждый откроет для себя что-то новое.

ЧАСТЬ I

Глава 1

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЛАУРЕАТ

Теплым августовским вечером 1870 года на перрон Николаевского вокзала сошел розовощекий молодой человек с яркими голубыми глазами и окладистой русой бородой. Сын рязанского священника планировал поступать на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, но «поповичам» путь туда был заказан. Успешно сдав экзамены, он был зачислен в ряды студентов юрфака, а через 10 дней понес в ректорат новое прошение — о переводе на физико-математический факультет. Позднее на эту хитрость, шитую белыми нитками, пойдут и младшие братья предприимчивого юноши.

Как старшему сыну приходского священника Ивану Петровичу Павлову, казалось, на роду было написано продолжить дело отца. Но во время обучения в семинарии будущему академику на глаза попадет книга «Рефлексы головного мозга», автором которой является Иван Михайлович Сеченов. Выучив ее чуть ли не наизусть, юноша, с благословения родителей, отправился в Санкт-Петербург, чтобы стать студентом университета.

На первом курсе Ивану Петровичу сразу понравилась химия. Он, как и многие его однокурсники, не устоял перед обаянием Дмитрия Ивановича Менделеева и Александра Михайловича Бутлерова. Ученые к этому времени имели

европейскую известность. Бутлеров сформулировал теорию строения органических веществ. А уже через полтора года Менделеев доложил об открытии им периодического закона химических веществ. Надо ли говорить, что студенты своих наставников обожали?

Павлов штудировал «Основы химии», общался в лаборатории с первооткрывателями и чувствовал себя частью завораживающего научного мира. Ивана Петровича удивляло, с какой простой и легкостью Менделеев мог объяснить самые сложные вопросы. Павлов относился к нему с глубоким почтением всю жизнь. После кончины химика Иван Петрович сказал: «Русское общество, выдвинув из своей среды такую ученую величину, как Менделеев, может с полным доверием относиться к своему будущему».

Однако даже в такой благодатной атмосфере первокурснику Павлову жилось несладко. Трудности учебной программы, непреодолимую тягу приблизиться к своим кумирам, напряжение ума и воли дополняла нехватка финансовых средств и жизнь впроголодь. Застенчивый от природы, Иван Петрович с трудом заводил новые знакомства, держался особняком и чувствовал себя очень одиноким. Организм будущего Нобелевского лауреата не сразу приспособился к слякотному климату Северной столицы. Спустя некоторое время после переезда Павлов заболел. У него диагностировали «нейросисмус» — так в ту пору называли состояние после нервного перенапряжения. Разрешили перенести сдачу экзаменов и отправиться в Рязань к родителям, для восстановления сил.

Бодрым и окрепшим Иван Петрович возвратился из дома, но не один. Вместе с ним приехал его брат Дмитрий Петрович, который тоже решил учиться в Петербурге. Дмитрий Петрович отличался от брата общительностью и буйным нравом, толкавшим его на частые шалости. Зажили братья совсем по-семейному. Дмитрий легко решал разные бытовые вопросы, занимался хозяйством. Как-то выкручивался в полном безденежье, закупулся провиантом, готовил сытные за-

втраки. Иван Петрович же углубился в учебу, без труда сдал все экзамены и стал получать стипендию.

На четвертом курсе Павлов увлекся физиологией. Во многом это была заслуга профессора физиологии Ильи Фаддеевича Циона. «Мы были прямо поражены его мастерски простым изложением самых сложных физиологических вопросов и его поистине артистической способностью ставить опыты. Такой учитель не забывается всю жизнь» [1].

Азарт был настолько велик, что студент Павлов подал прошение ректору оставить его на 4 курсе еще на один год. Ректорат удовлетворил просьбу, но отказал в стипендии и любом другом денежном содержании. Иван Петрович принял решение с благодарностью, надеясь прокормить себя репетиторством.

Окончив университет в мае 1875 года, Павлов намеревался стать ассистентом Циона на кафедре физиологии. Но тогда было принято, что физиологией занимаются только медики. Поэтому Иван Петрович, по рекомендации своего руководителя, имея степень по разряду естественных наук, поступил на третий курс Петербургской Медико-хирургической академии (ныне Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова). Не с целью «сделаться врачом», а чтобы, будучи доктором медицины, занять место на кафедре физиологии [2].

К занятиям по медицинским предметам Павлов относился не особо серьезно. Он продолжил собственные научные изыскания и докладывал о них на собраниях Общества естествоиспытателей. На заседаниях Павлов познакомился с Сеченовым, книга которого когда-то определила его жизненный путь.

Несмотря на прохладное отношение ученого к медицинским дисциплинам, лекции и занятия по хирургии, проводимые Пелехиным Павлом Петровичем и Склифосовским Николаем Васильевичем, открыли для него новое в том, что он давно знал. Павлов учился искусно работать скальпелем и пинцетом, останавливать кровотечение зажимами, препара-

ровать нервы, не повреждая их. Будучи левшой, он научился ловко использовать обе руки. Физиолог-экспериментатор должен владеть хирургическим мастерством.

Павлов с отличием окончил Медико-хирургическую академию в 1878 году. В том же году занял должность лаборанта в физиологической лаборатории почтенного терапевта Сергея Петровича Боткина. Этот момент окажется поворотным в судьбе будущего отца физиологии. Как и влияние Боткина.

Сергей Петрович убеждал учеников, что невозможно разобраться в причинах заболеваний желудочно-кишечного тракта, отрицая действие на них центральной нервной системы.

Но знания о регуляции процессов пищеварения были ограничены и заключались в обрывочных сведениях о работе отдельных органов. Информацию получали в основном методом наблюдения или посредством опытов над наркотизированными животными, и от этого она не могла быть полностью достоверной.

Дискуссии в научном сообществе подтолкнули Павлова к размышлениям. Еще будучи семинаристом, в книге Льюиса «Физиология обыденной жизни» он прочитал о занимательных опытах канадского врача Бомонта. Зарубежный коллега описывал наблюдения за пациентом по имени Мартин, получившим на охоте ранение в живот. Подобные травмы обычно приводили к неминуемой гибели. Однако Мартин не умер. Слизистая оболочка желудка приросла к краю кожной раны, и образовался свищ. Через свищ врач заглядывал в желудок и наблюдал за секреторным процессом. Бомонт отметил, что соковыделение происходило не только при попадании пищи в желудок, но и при воспоминаниях о еде, виде или аромате еды.

В голове Ивана Петровича родилась идея простого, но оригинального эксперимента. Сначала Павлов создал у собаки фистулу желудка, подобную ране у пациента Бомонта, после заживления провел вторую операцию — эзофаготомию (рассечение стенки пищевода на шее). Оба конца рассеченного пищевода он пришил к коже, так что полость

пищевода контактировала с внешней средой. Из-за того что пищевод был рассечен, пища не попадала в желудок, происходило «мнимое кормление». Голодная собака могла часами глотать одну и ту же порцию пищи, которая не проникала в желудок, при этом из желудочной фистулы Павлов получал чистый желудочный сок. Таким образом Иван Петрович вывел новый вид эксперимента, который назвали «хроническим». Исследования желудочно-кишечного тракта проводились на здоровом ненаркотизированном животном в условиях сохранения непрерывной работы всех отделов пищеварительной системы организма.

Опыт доказал, что между воздействием импульсов нервной системы и желудочной секрецией есть связь. Результаты своей работы Павлов изложил в книге «Лекции о работе главных пищеварительных желез».

«Сок, который выделяется желудком от одного вида или запаха пищи, — решил Иван Петрович, — коренным образом отличается от всякого иного. Чтобы железы желудка пришли в действие, необходимо предварительно оживленное представление о еде, страстное желание есть. Даже проглоченная пища не может быть переварена без психики, без некоторой дозы “воображения”»[3]. Так было положено начало его epochальному учению об условных рефлексах живого организма.

Описывая научный вклад Павлова, можно сгруппировать все его работы в три раздела: физиология пищеварения, физиология кровообращения, физиология головного мозга. В этом и состоит принципиальная особенность его подхода — изучать организм в его целостности, соотносить работу одной системы с остальными.

Помимо научных поисков Иван Петрович уделял много времени преподаванию. На лекциях Павлова царил атмосфера творческого единения профессора и студентов. Лектор разрешал перебивать себя на полуслове и задавать интересующий учащегося вопрос. Считал крайне важным объяснить все, что вызывает сомнение у слушателей. Среди суровых и

высокомерных наставников Павлов выделялся доступностью и простотой. Ему ничего не стоило примкнуть к шумной компании студентов на улице или, обгоняя, бросить им на ходу: «Эй вы, инвалиды! Аппетит — это выражение страсти в акте еды, а вы еле плететесь!»

За свои научные достижения в области физиологии Иван Петрович был отмечен самой почетной наградой в научном сообществе: он стал первым русским ученым, получившим Нобелевскую премию. Золотую медаль Павлов принимал из рук самого короля Швеции, и, чтобы уважить выдающегося ученого, тот произнес на русском языке выученное приветствие: «Как ваше здоровье, Иван Петрович?» Павлов был тронут таким королевским, во всех смыслах, отношением.

К любой работе подходил воодушевленно. Одним из увлечений были цветы. Ранней весной на всех подоконниках квартиры Павловых появлялись невысокие горшки с рассадой, семена которой Павлов лично выписывал из Риги. Все воскресенья академик проводил на даче, высаживая цветы в грунт. Работал на клумбах до седьмого пота, домой возвращался «совершенно согнутый» и после дня два еле передвигал ноги. В летние месяцы таскал для полива десятки ведер воды. Дача Павловых казалась благоухающим островком. Больше всего Иван Петрович любил левкой. Может, из-за того, что у него было притупленное обоняние, он слышал только яркие запахи.

Ивана Петровича Павлова не стало 27 февраля 1936 года. После непродолжительной болезни на 87-м году жизни он скончался от пневмонии. Существует легенда, что, почувствовав смерть, академик велел собрать вокруг себя коллег. Слабея, диктовал им собственные ощущения — рассказывал, что происходит с организмом при смерти. Это был его последний эксперимент, где подопытным стал он сам. Стронних посетителей в эти дни к ученому не пускали.

«Академик Павлов занят, — то и дело доносилось из-за закрытой двери. — Он умирает...»

Глава 2

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ДОКТОР БОТКИН

Среди созвездия талантливых докторов трудно найти более совершенного диагноста, чем Сергей Петрович Боткин. Доктор Боткин обладал феноменальным врачебным чутьем. Его методы обескураживали, изумляли, иногда забавляли, но никогда не были ошибочными. Только один поставленный им диагноз оказался неверен... диагноз, поставленный себе самому.

Все мужчины рода Боткиных занимались предпринимательством. Дед Сергея Петровича, Конон Боткин, переехав в 1791 году в Москву, наладил там текстильное производство. Его сын, Петр Кононович, решив, что на текстиле много не заработаешь, обменял ткани на заварку. Чаеоторговля оказалась прибыльным делом. О чае в России уже знали, но позволить его себе могли только зажиточные люди. Став пионером чайного дела, Петр Кононович мог позволить себе безбедно содержать многочисленное семейство. Боткин-отец был дважды женат, имел в общей сложности девять сыновей и пять дочек. Предполагалось, что сыновья продолжат купеческое дело отца и посвятят свою жизнь чайной компании «П. Боткин и сыновья».

Все, кроме Сергея Петровича. В семье будущего профессора медицины считали «бездарным». В девять лет мальчик едва различал буквы! Властный отец записал одиннадцатого по счету отпрыска «в дурачки» и грозил отдать в солдаты. Но, неожиданно для всех домашних, новый преподаватель обнаружил у мальчика недюжинные способности в математике.

Сергея Петровича зачислили в один из лучших пансионов Москвы для подготовки к поступлению на физико-математический факультет Московского университета. Планы расстроил приказ императора Николая I, запрещавший лицам, не окончившим гимназию, поступать на любые факультеты, кроме медицинского. Так судьба привела Боткина во врачевание.

В тот момент медицинский факультет не отличался «звездным» профессорским составом. Методы лечения преподавались, прямо сказать, самые диковинные. Например, как панацеей преподносили настойку из лакрицы, нашатырного спирта и рвотного камня. Ей лечили все болезни — от простуды до камней в почках.

И все же нельзя не отметить некоторых даровитых профессоров, которые имели большое влияние на студентов и внушали им любовь к выбранной профессии. Таким был доктор Федор Иванович Иноземцев. Привыкший анализировать и размышлять над каждым пациентом, профессор приучал к этому своих студентов. Они обожали преподавателя — за страстный ум и горящий взгляд на лекциях. Со всеми Федор Иванович обращался вежливо, называя студентов не иначе как «мой дружок». По большому счету, именно лекции Иноземцева повлияли на то, что после окончания университета Боткин выбрал своей специальностью хирургию.

Однако хирургическому будущему, как и в прошлом математическому, не суждено было сбыться. Позднее, после окончания университета, Боткин отправился на Крымскую войну, где под руководством другого маститого русского доктора, Николая Петровича Пирогова, приступил к освоению практической хирургии. Однако из-за выраженной близорукости он не замечал мелкие сосуды и «заштопать» раненого как следует не мог. Пирогов, видя мучения талантливого студента, посоветовал ему переключить внимание на терапию.

Сергей Петрович так и поступил; первым делом он отправился за границу, чтобы насытиться прогрессивной научной мыслью. Через полгода брат Сергея Петровича Василий Бот-

кин писал своему товарищу Анненкову: «На днях получил письмо от Сергея. Боже мой, какая кипит страшная работа в европейском научном мире! Сергей, который и здесь был дельный малый и выдержал экзамен на доктора, с ужасом пишет, до какой степени отстало наше медицинское образование от того, что теперь делается в Германии».

За границей Боткин познакомился с микроскопом, с клеточной теорией Рудольфа Вирхова. Немецкий профессор утверждал, что весь организм есть сумма клеток, без какой-либо целостности. Значит, когда возникает болезнь, лечить нужно клетку, устраняя местные причины. Боткин влюбился в учение и в учителя, что не помешало ему через несколько лет стать основоположником теории «нервизма» (теория основывается на целостности всего организма и на влиянии нервной системы на развитие болезни).

Опубликовав несколько научных статей и получив некоторую известность за границей, Сергей Петрович принял решение вернуться на родину, где ему предложили заведовать терапевтической клиникой в Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. И это в 28 лет!

Стоит немного заострить внимание на состоянии русской медицины в период деятельности Боткина. Практически вся медицинская помощь была сосредоточена в руках немецких врачей. Научная работа не велась. Истории болезни, или «скорбные листки», велись на немецком языке. В обществе сложилось мнение, что русский человек не может лечить ввиду своей природной несобранности и разгильдяйства. Состоятельные люди предпочитали лечиться у педантичных немцев.

Боткин начал свою деятельность с перемен. Впервые в России при терапевтической клинике была создана лаборатория, где проводились химические и физические анализы, изучалось фармакологическое действие препаратов. Поначалу Боткину приходилось всю работу выполнять самому, пока персонал не обучился правильно обращаться с реагентами и оборудованием.